

Социологические науки

УДК 316.277.4

Крайнюков Алексей Николаевич

*доктор географических наук, профессор,
профессор кафедры экологической безопасности и экологического образования
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина*

Крайнюков Олексій Миколайович

*доктор географічних наук, професор,
професор кафедри екологічної безпеки та екологічної освіти
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна*

Krainiukov Oleksii

*Doctor of Geographical Sciences, Professor
V.N. Karazin Kharkiv National University*

Кривицкая Иветта Анатольевна

*доцент кафедры экологической безопасности и экологического образования
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина*

Кривицька Іветта Анатоліївна

*доцент кафедри екологічної безпеки та екологічної освіти
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна*

Kryvytska Ivetta

*Associate Professor
V.N. Karazin Kharkiv National University*

Крайнюков Андрей Алексеевич

*студент социологического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина*

Крайнюков Андрій Олексійович

*студент соціологічного факультету
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*

Krainiukov Andrii

Student of Sociological Department

V.N. Karazin Kharkiv National University

**ДИСТИНКЦИЯ МЕЖДУ ЭССЕНЦИАЛИЗМОМ И
АНТИЭССЕНЦИАЛИЗМОМ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ТЕОРЕТИЗИРОВАНИИ**

**ДИСТИНКЦІЯ МІЖ ЕСЕНЦІАЛІЗМОМ ТА АНТИЕСЕНЦІАЛІЗМОМ
У СОЦІОЛОГІЧНОМУ ТЕОРЕТИЗУВАННІ**

**DISTINCTION BETWEEN ESSENTIALISM AND ANTI-ESSENTIALISM
IN SOCIOLOGICAL THEORETIZATION**

Аннотация. В статье представлен разбор эссенциалистских и антиэссенциалистских модусов теоретизирования в социологии. Эссенциализм отмечается натурализацией и предписанием сущностям социальной реальности фундаментальности и неизменности. Антиэссенциализм выделяется своим реляционизмом в отношении конструирования социального пространства как пространства взаимоотнодей связей между социальными позициями.

Ключевые слова: эссенциализм, антиэссенциализм, социологический релятивизм.

Анотація. У статті представлений аналіз есенціалістських і антиесенціалістських модусів теоретизування в соціології. Есенціалізм відзначається натуралізацією і приписом сутностей соціальної реальності фундаментальності і незмінності. Антиесенціалізм виділяється своїм реляціонізмом щодо конструювання соціального простору як простору зв'язків, які взаємно визначають соціальні позиції.

Ключові слова: есенціалізм, антиесенціалізм, соціологічний реляціонізм.

Summary. *The article presents an analysis of the essentialist and anti-essentialist modes of theorizing in sociology. Essentialism is marked by naturalization and the prescription of fundamentality and immutability to the essences of social reality. Anti-essentialism stands out for its relationalism in relation to the construction of social space as a space of mutually determining connections between social positions.*

Key words: *essentialism, anti-essentialism, sociological relativism.*

Актуальность. В процессе дифференциации социологического знания от преимущественного влияния естественных наук, корпус производителей социологической продукции склоняется к концентрированию средств интеллектуального производства в границах собственных субполя. Автономизация субполя производства социологической продукции приводит и к появлению качественно новых принципов рассмотрения социального. Социология знания, выдающимся образом вступившая на научно-исследовательскую почву усилиями К. Манхайма и М. Шелера, задавала линии для дальнейшего социологического конструктивизма и реляционизма. Это было продолжено усилиями феноменологов (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман), радикальными конструктивистами (Э. фон Глазерсфельд, Н. Луман) и структуралистскими конструктивистами (главную роль здесь отведем П. Бурдьё, который, безусловно, заложил фундамент дальнейших исследований для многих социологов, преломив понимание теоретического и практического). Новейшие социологические теории, такие как теория социальных сетей (Н. Кристакис, Д. Фаулер), АСТ (акторно-сетевая теория (М. Каллон, Д. Ло, Б. Латур), теории «текущего модернити» и «индивидуализированного общества» (З. Бауман), «мобильного общества» Дж. Урри перекликаются с работами постструктуралистов в их признании динамичности, гетерогенности, множественности («ризоматизация» Ж. Делёза и Ф.

Гваттари), «кризиса метанарративов» (Ж.-Ф Лиотар), «симулякризации» (Ж. Бодрийяр). Следует показать, как трансформируется сама постановка вопроса о социальном вследствие изменения инструментов конструирования возможного предмета исследования.

Объектом исследования является теоретические инструменты социологии; **предметом** – (анти)эссенциализм в социологическом теоретизировании.

Цель статьи – определение основных отличий между эссенциализмом и антиэссенциализмом в социологическом теоретизировании.

Фундаментальная логика классификации социологических теорий всегда затрагивает оси микро/макро, номинализма/реализма конструктивизма/структурализма, субъективизма/объективизма, процессуальности/феноменальности. Подобные оппозиции из парных концептов, как это показал П. Бурдьё, могут представлять из себя лишь воспроизводящийся артефакт субполя социологического производства, навязывающий ограниченные инструменты познания и соответствующие объяснительные принципы [1]. Подобно «типовым переменным» Т. Парсонса, совокупность отобранных переменных склонна становится все навязчивее при синхронизации макроуровневого объективизма с реалистской позицией. Как подметил А. Бикбов: «Это своеобразная ловкость обыденного рассудка, который замещает чрезмерное, а потому интуитивно непостижимое разнообразие воображаемым единством». Выводя императивы и максимы, по типу дюркгеймианского рассмотрения «социальных фактов как вещей» или контовского физикализма, социология сталкивается с чрезмерным редуцированием многообразия социальных связей и их сведению к исключительной «социальной реальности» или «социальному организму». Во времена своего номинального возникновения, «социология» искала удобную схему для проведения

наукоподобных исследований, что выливалось в натуралистический эссенциализм, который черпал свои корни, преимущественно, из механицизма, физикализма, биологизма, географического детерминизма и демографического детерминизма [2]. Эссенциализм, признающий имманентно (а потому перманентно) присущие обществу качественные характеристики, опираясь на этносы, расы, языки, классы, пол, возраст, на групповую принадлежность (религиозную идентичность), на трансцендентные и не зависящие от познания жестко детерминирующие все общество институты [3]. Усомнение в подобных универсальных предписаниях, свойственных мировоззренческому и методологическому позитивизму, начинает выводить социологию на путь построения собственной методологической базы, конституирующей возможные пределы изысканий вообще: от проблематизации до интерпретации.

Эссенциализм стремится к абсолютизации различия, исключая из пространства возможного градации и зарегистрированные комплексные связи между эмпирическими референтами. Ссылаясь на капитальный труд Р. Коллинза [4], мы можем заметить, как классическая социология апеллировала к «сущностям», в которых аккумулировались ансамбль многочисленных социальных связей, характеризующийся взаимоограничением, взаимоопределением и взаимоисключением. Осевая точка К. Маркса и Ф. Энгельса, преобразившая всю конфликтную парадигму впоследствии, отождествляет «...сконструированный класс и класс реальный, т. е. вещи в логике и логику вещей...» [5]. Определение классов как социальных групп, имеющих разное отношение к средствам производства, дает нам лишь ландшафт социального пространства, в котором мы можем установить взаимоопределяющие позиции по экономическому фактору. Но сходство позиций (и, соответственно, диспозиций) не говорит нам о том, что класс-на-бумаге, выделенный по этим критериям, образуется в эмпирически фиксируемый реальный класс,

со своим материальным месторасположением, организацией, иерархической структурой, атрибутами, знаменами, правилами и пр. Хотя Р. Коллинз и относит М. Вебера к конфликтной традиции, мы можем затронуть его с позиций его методологии, оперирующей рациональностью как таковой, усматривающей экономическое как сугубо рациональное, основанное на калькуляции издержек и выгод [4]. Рационалистический взгляд М. Вебера предписывает социальному субъекту изначальную «рациональность», причем в экономико-техническом смысле, затрагивая процессы «расколдовывания» мира, идущие связно с развитием капитализма, бюрократизацией и правовой формализацией. Опровергнуть такое понимание «рациональности» смог не только П. Бурдьё с его «практическим смыслом», но и теоретики социологии градов Л. Болтански и Л. Тевено, обрисовывающие несколько типов «рациональности» в соответствии с согласием или несогласием в том или ином граде [6, 7]. Теория рационального выбора и теория социального обмена тоже оказываются эссенциалистскими, т.е. предписывающими действующему субъекту определенные неизменные качества, которые никак не варьируются от социальной среды, ассоциированной с его функционированием. Традиция Дюркгейма, полагающая «социальную реальность» и «социальные факты» как трансцендентные универсумы, подчиняющие себе волю индивидов, репрезентирует ригидность такого теоретизирования в отношении социальных связей. Социологизм, объясняющий социальную реальность посредством социальных фактов, выделяет эти вещи как постоянные, недискретные, кристаллизованные. Именно это отличает субстанционализм, который так отчетливо виден у Э. Дюркгейма, от реляционизма, выводящего на первый план не утрированную комплексность, которую мыслят как целостность (причем фиктивную), а разнообразие взаимопересекающихся социальных позиций.

Броский вызов эссенциализму был сделан еще во времена «Социологического воображения» Ч. Р. Миллса и «Социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана, выдвинутыми как реакция на структурно-функционалистскую эссенциалистскую позицию насчет консенсуальности социального мира. Фактически, структуралистский функционализм Т. Парсонса постулировал то, что всякое социальное есть исключительно консенсуальное, исключив, таким образом, возможность рассмотрения конфликтов, признаваемых дисфункциональными, а, следовательно, запредельными для общества. Реляционизм К. Манхайма и М. Шелера очень сильно повлиял на социологию знания вообще, особенно на феноменологию, которая стала одним из способов донести мысль о том, что пора наконец изучать людей, а не неизменные сущности социального бытия. Это все подводило искусного исследователя П. Бурдьё к тому, чтобы устремиться к критической ревизии социологического наследия былых теоретиков, действуя «вопреки» им [8]. Именно тезис П. Бурдьё насчет социологического реляционизма, просто необходимого для углубленного изучения различных паттернов жизненных стилей, практических логик, принципов видения и деления и их пересечения между агентами, обладающими сходными диспозициями, диалектики прошлого и настоящего в габитусе, подвинул социологическое ремесло к разрыву с фундаментальными и неизменными эссенциями социального мира. С. Фукс, исследуя социологию «после эссенциализма», указывает на вклад П. Бурдьё в антиэссенциалистскую критику марксистской теории [9]. Р. Брубейкер, беря на заметку реляционистское мышление П. Бурдьё, выступает против «группизма» и мышления, которое интуитивно схватывает повседневную тривиальность перманентного существования социальных групп (в особенности этнических). К примеру, автор говорит о том, что множество конфликтов происходят не по этническому признаку и не между этническими группами, но маскируются

под «этнические конфликты», то есть фреймируются и кодируются как этнические, хотя это лишь проявление, но никак не само явление [10].

Именно подобное реляционистское мышление в социологии позволяет говорить о «пересборке социального» и задумываться насчет онтологии вещей и их агентности («актантности»), чем известна акторно-сетевая теория [11]. Реляционизм, «который идентифицирует реальность не с субстанциями, а со связями», подводит к двойной трансформации социологического дискурса. Во-первых, исчезают фундаментальные и абсолютные сущности, предписываемые обществу. Исчезает иллюзия устойчивости и столь обнадеживающей и запутывающей простоты социального. Во-вторых, исследователь начинает осознавать свою позицию по отношению к социальному; к тому, что он производит «конструкции конструкций», то, что он наблюдает за наблюдателями и объективирует объективирующих субъектов. Именно с этим С. Фукс связывает антиэссенциалистский переворот: с осознанием «наблюдательной» функции исследователя и четкого различения онтологии и гносеологии, «вещи в логике и логику вещей». С этим можно связать и множество других следствий для социологии: дискурс неустойчивости и ненадежности (крушения «онтологической безопасности», повышения «рискогенности», «глобальных рисков»), дискурс динамизма, индивидуализации и атомизации («гардероба идентичностей»), которые появляются после исчезновения гегемонии сущностей над связями.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // Социология социального пространства / П. Бурдые. СПб., Алетейя, 2007. С. 64-86.
2. Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки / А. Бикбов // Отечественные записки. 2002. № 6/7. URL:

<https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/soczialnoe-prostranstvo-kak-fizicheskoe-illyuzii-i-ulovki-fragment.html> (дата обращения: 28.10.2020).

3. Завьялова М. Проблема совместимости натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. №39.
4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. Перевод Вадима Россмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 320 с.
5. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Социология социального пространства / П. Бурдые. СПб., Алетейя, 2007. С. 14-48.
6. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. 562 с. («Gallicinium»).
7. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с франц. О. В. Ковеневой под науч. ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 576 с.
8. Бурдые П. Ориентиры. Интервью. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2609> (дата обращения: 28.10.2020).
9. Against Essentialism: A Theory of Culture and Society. Front Cover. Stephan Fuchs. Harvard University Press, 2009. 393 p.
10. Р. Брубейкер Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. (Социальная теория). 1000 экз. ISBN 978-5-7598-0973-9 (в пер.).

11. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия
// Социология власти. 2015. №1.